

Уже у Данте — а это был лишь конец XIII столетия — читаем о двух алхимиках, поддельывавших металлы и обреченных за это на вечные муки в десятом рву восьмого круга Ада. Алхимия у Данте — наука вполне жульническая и ни на что более не годная. Ее адепты — сплошь мошенники и, стало быть, грешники. Иных целей у алхимии нет и быть не может. Главная же — золото-сереброискательская — ее идея заведомо недостижима. Еще резче говорит об алхимии Петрарка (XIV в.). Им принят во внимание ее тысячелетний неудачный опыт. Пафос такой критики — проверка практикой.

Но не только неудачи практического свойства вызывали антиалхимические выпады. Важна была и нравственная сторона дела. Золото — венец алхимических исканий — опорочено отвратительной действительностью. Блестящая поверхность совершеннейшего из металлов захватана недостойнейшими. Ронсар (XVI в.):

*Из-за него разлад, раздор,
Из-за него и глад, и мор,
И сколько слез неутралимых...*
(1963, с. 80, 81).

В сатире Себастиана Бранта (XV—XVI в.) «Корабль дураков» читаем:

*Алхимия примером служит
Тому, как плутни с дурью дружат...*
(1965, с. 220).

*Сказал нам Аристотель вещей:
«Неизменяема суть вещей»,
Алхимик же в ученом бреде
Выводит золото из меди...*
(с. 224).

*Мешок травы, бочонок мази —
Вот пластырь вам для всех оказий...*
(с. 156).

Алхимики у Бранта — наравне с прочими — почтенные жители страны Глупландии. Хлесткая брань далека от изящной возрожденческой хулы. Брант сам еще сличком средневеков. Ссылки на Аристотеля как аргумент в споре — разве не средневековое средство убедить оппонента в собственной правоте? Это критика «справа», заостряющая внимание на практических неудачах. Ругательского Бранта сменил пристойный Эразм Роттердамский (XV—XVI в.), от которого тоже досталось и тайным наукам, и их ревностным адептам, «кто при помощи тайных наук тщится преобразовать природу вещей и отыскивает пятую стихию на морях и на суше». Но тут же утешает их стихом из Секста Проперция: «К великим делам и стремленье — почтенно бывает» (1932, с. 128). Ирония, а потом и смех, злой и глумливый, — верный признак конца алхимических занятий. Антиалхимические стихи «Кентерберийских рассказов» Чосера (XIV в.), карикатуры Гольбейна Младшего (XVI в.), ри-